

ЛИТЕРАТУРА ИЛИ ПОРНОГРАФИЯ?

Роберт Портер (Бристоль)

Переход к рыночным отношениям в России означал соответствующую коммерциализацию литературы. Литературный плюрализм, к которому стремились многие либеральные писатели в течение долгих лет — особенно в деле «Метрополя» 1979-го года — уже наконец достигнут. Это означает, что великая литература теперь существует наряду с популярной фикцией, порнухой и чернухой. Насколько мне известно, пока еще не было такого судебного процесса, при помощи которого можно было бы ограничивать литературу, оскорбляющую общественный вкус. Не было процесса, подобного «Lady Chatterleys Lover» в 1960-ом году, процесса «Oz» в 1971 году в Великобритании, или более раннего процесса Baudelaire над Les Fleurs du Mal. Единственное, что вышло из таких «литературных» процессов, — это то, что почти невозможно определить, что такое порнография или что является оскорблением общественного вкуса. В 1960 году в Великобритании судья попросил присяжных заседателей задать себе вопрос, могут ли они позволить своим слугам или женам читать подобную книгу. Неизменно правящая элита — «истэблшмент» — показывала свою смехотворность в попытке прописать подобный материал, и в то же время подобными процессами приносился значительный вред истинной литературе.

В знаменитой научной книге по английской порнографии в девятнадцатом веке «Другие викторианцы» Стивен Маркус, возможно, дает одно из наилучших определений порнографии: действие происходит в месте под названием «порнотопия», которое не существует и в котором нет времени ни на что, кроме постели. Маркус приводит следующую иллюстрацию:

Типичный роман девятнадцатого века начинается так: «В городе Н, в теплый летний день...» К концу романа мы узнаем удивительное число деталей об этом городе, его погоде, его жителях, их семьях, их образе жизни. Типичный порнографичес-

кий роман тоже начинается с города N и теплого летнего дня, но дальше этого он не продвигается, как обычно происходит в обычных романах про помощи развития и продвижения действия. Обычно происходит то, что, представив читателю с десяток конкретных деталей — надо полагать, посягая этим на своего рода достоверность — роман затем оставляет этот задаток особенностей позади и продолжается при помощи абстракций настоящего дела».¹

Маркус осторожно делает различие между эротикой и порнографией и обоснованно сопоставляет литературу с порнографией. По его мнению, порнография, как пропаганда и рекламирование, имеет единственную цель — заставить реципиента (получателя) действовать, цель же литературы, частично, заставить его думать. По-моему, необходимо иметь это в виду, рассматривая Ерофеева, Попова и Лимонова, так как, хотим мы этого или нет, но эта литература выросла из общества, которое было таким же пуританским и ханжески стыдливым, как и Викторианская Англия.

И еще один важный пункт: уже давно существует мнение в русской, да и не только в русской литературной традиции, что литература должна прочно опираться на мораль, нравственность. Возможно, что само по себе подобное положение не так уж и плохо, но надо помнить, что оно способствовало, например, маршу социалистического реализма. Евгений Попов сделал несколько утверждений, в которых он заявлял, что литература должна быть отделелена от чисто моральных соображений. В одной своей статье в *Литературной газете* он писал:

«Писатель редко бывает хорошим человеком, а скорее всего, никогда им не бывает. Если не верите — спросите об этом какую-нибудь писательскую жену, предпочтительно бывшую».²

Как бы это ни было, по моим собственным наблюдениям и из бесед с Евгением Поповым я полагаю, что он большой энтузиаст,

1 Marcus, S.: *The Other Victorians: A Study of Sexuality and Pornography in Mid-Nineteenth Century England*. London, 1964, 268-269.

2 'Успокойтесь, господа!'. *Литературная газета*, no 10, 1992, 4. См. также 'Синонимы вранья', *Литературная газета*, no 51, 1991, 9.

что касается семейной жизни. В первом романе Попова «Душа патриота», в котором явно прослеживаются значительные автобиографические элементы, в записи за 12 декабря читаем:

В пятницу 12 ноября я проснулся с похмелья, жена была на службе, и я выпил остатка «Арени», после чего лежал в постели, тупо глядя в телевизор... К вечеру пришла жена, и мы с ней поссорились. Буря в стакане воды измерялась величиной около 4-х баллов по шкале Попова, где 10 баллов — ночь, мрак, мороз, а 1 балл — легкая гримаска. Естественно, что не помню из-за чего поссорились, а жену спросить боюсь, так как она наверняка этого тоже не помнит, мы с ней после этого еще два раза поссорились — один раз на три балла, другой — на 8,5, потому что на 10 баллов — чересчур серьезно. После 10 баллов судно прямиком идет на дно, хотя матросы большей частью выплывают и их подбирают другие суда ... Хотя бывает, что иной раз и тонут...»³

Трудно представить, что человека, описавшего такого типа домашние сцены, КГБ могло обвинить в создании идеологически вредных, близких к порнографии и клеветнических работ после того, как они побывали с обыском в его квартире в ноябре 1981 года. Хотя имеются довольно явные намеки на гомосексуальность, и гораздо больше намеков на гетеросексуальность, суть произведений Попова в изменении традиционных сказок. Он берет лейтмотив путешествия или того, как простой мужик женится на принцессе, или тот же счастливый конец — и переворачивает это с головы на ноги. Ни в сказках, ни в соцреализме нет секса; сексуальные стереотипы завуалированы, и даже существует представление, несмотря на высказывание Фрейда, что детское сознание в своей основе бесполо. Существует такое мнение, что советское правительство обращалось со своими гражданами как с детьми, и в действительности, практически нет разницы в том, как изображались оба пола и в искусстве, и в литературе. Отсюда и вытекает творчество Попова, и отсюда выходят обвинения кон-

3 Душа патриота. In: Волга 1990, no 2, 37–38.

сервативных писателей в том, что оно содержит элементы порнографии.

А более ли очевидны такие обвинения по поводу Ерофеева? Его роман «Русская красавица» содержит множество сексуальных столкновений: лесбийских, гетеросексуальных, группового секса, бичевание и даже некрофилию. Некоторые из его рассказов шокируют ничуть не меньше, порой намекая на канибализм, убийство, изувечивание, например, «Как резали француза», «Тело Анны» и «Белый кастрированный кот с глазами красавицы», «Девушка и смерть».⁴ В то же самое время его роман совсем о другом — его можно читать на более простом уровне как картину России последней стадии брежневского застоя; или, как это ни парадоксально, он является своего рода освобождением женщины, так как героиня стоит в центре внимания на протяжении всего романа, и хотя она якобы эксплуатируется всеми мужчинами в ее жизни, но в конце концов, в отличие от простых смертных, она перехитрила смерть, выйдя в смерти замуж за возлюбленного Леонардика. В то же самое время она становится символом самой России, желая спасти страну, бегая голой по Куликову полю. Но не надо забывать, что этот роман — комедия и у него счастливый конец, несмотря на перестановку традиционных хронологических событий: он начинается у гинеколога, а заканчивается свадьбой.

Ерофеев написал много работ по французской литературе, и можно составить неплохую апологию его сексуальной прямоты и открытости из его статьи о Маркизе де Саде. Он приводит такое заключение:

Сад — это этап европейской культуры. Сюрреалисты не зря называли его «освободителем». Культура должна пройти через проблематику Сада, вербализировать эротическую стихию, определить логику сексуальных фантазий. Лишь при условии богатого знания о законах эротики, уничтожения ханжеских табу, свободного владения языком страстей, наконец, такой ментальности, которая позволяет читать Сада не столько как порнографическое откровение, занятное само по себе, сколько философское кредо наслажденца, можно

4 Жизнь с идиотом. Сборник рассказов. Москва 1991.

преодолеть ту болезнь немоты, которая сковывает 'смущающуюся' культуру. К сожалению, русская культура не богата развитой эротической речью, ее представления об эротике достаточно скудны, зачастую примитивны, построены на целой системе предрассудков, ее пугают 'недозволенные' видения. Можно, конечно, гордиться своей затянувшейся невинностью, находить в ней особую прелесть, но порой эта 'невинность' уж слишком напоминает невежество.⁵

Героиня в «Русской красавице» предлагает альтернативу кровопролитию в ее попытке спасти Россию:

Известно что: вонючее, как гной, семя главного врага России, плотоядного человека, узурпатора и самодержца. А как прольется, он немедленно сникнет, сморщится, ослабеет, и тогда сила справедливости восторжествует, закончится вековое колдовство, потому что иначе как колдовством всего этого не объяснить.⁶

Если в «Русской красавице» есть философия, то она заключается в этом отрывке. Настоящий враг Ерофеева — это 'мещанство'⁷, и если дьявол хорошо играет на дудке, почему бы с ним и не поплясать. Понятие, что настоящие грехи заключаются в слабости человеческой, такой как хамство и пошлость, совсем не ново для русской литературы. Нельзя объяснить это в плане какой-то абстракции, наверно связанной с непостижимостью русской души. Скорее всего это надо понимать как важность в оценке вещей по их типичному отношению к явлениям жизни. Хамы и пошляки, как и рекламодатели и порнографы, всегда умудряются подделать предмет обсуждения и представить его скорее в виде удобной лжи, чем неприятной на вкус правды. Как Иосиф Бродский сказал в своей речи при получении Нобелевской премии: «Зло — всегда

5 Маркиз де Сад. садизм и XX век. In: В лабиринте проклятых вопросов. Москва 1990, 254-255.

6 Русская красавица. Москва 1990, 133.

7 Там же, 132.

плохой стилист». Цепляясь за понятие, что 'спасти Россию' — это в сущности бессмысленная фраза, Ирина и ее создатель, возможно, становятся поперек горла некоторым диссидентам-классикам, но они оба научились от скептиков Европы тому, чему их противники должны еще научиться. Предлагая не кровопролитие, а сексуальное удовлетворение, Ирина подбирается к экзистенциалистическому понятию бытия, а ссылаясь постоянно на 'колдовство', она признает чудо искусства.

Кажется, что главная цель Лимонова — это быть на первом плане, быть в центре всего, привлекать к себе внимание. В своих интервью он несколько раз отмечал то, что он до сих пор гордится тем фактом, что на заводе в Харькове, где он когда-то работал, была помещена его фотография как ударника труда. Его первые книги, в основном проза, но также и поэзия, потрясли русскую эмиграцию и вызвали атаки в советской прессе.⁸ Из трех писателей, обсуждаемых здесь, он является более откровенным и открытым в гомосексуальных вопросах. С первого взгляда критики записали его в гомосексуалисты, основывая это на романе «Это я — Эдичка», но в своих книгах он проявил интерес ко всем видам сексуальной активности: гетеросексуальности — в харьковских романах «Подросток Савенко» и «Молодой негодяй»; садомазохизму — в романе «Палач». Но в его произведениях достаточно других вещей, которые помогают снять с него обвинение в чистой порнографии. Беря во внимание тот факт, что женщины являются жертвами порнографии, интересно заметить, что на Западе некоторые из наиболее серьезных научных работ о его творчестве написаны женщинами, такими, как Патриша Карден, Анн Шукман, Ольга Матич.⁹

Литературные процессы, о которых упоминалось в начале доклада, в действительности установили на Западе своего рода понятие того, что такое художественная литература, или можно сказать, что они как бы установили правила игры. В России же эти правила пока еще не нашли себе применения, особенно учитывая то, что в течение многих десятилетий политики инструктировали литературу говорить правду таким образом, каким они видели ее

8 Романы: Это я — Эдичка. New York 1979. Дневник неудачника. New York 1982. Подросток Савенко. Paris 1982. Молодой негодяй. Paris 1986. Палач. Jerusalem 1986. Поэзия: Русское. Ann Arbor 1979. Трое. Los Angeles 1981.

9 Carden, P.: *Limonov's Coming Out*. In: *The Third Wave*. Ed. Matich, O. Ann Arbor 1984. *The Moral Immoralist: Edward Limonov's Это я — Эдичка*. In: *Slavic and East European Journal*. Vol. 30, no 4, 1986.
Shukman, A.: *Taboos, Splits and Signifiers: Limonov's Eto ja — Edichka*. In: *Essays in Poetics*. Vol. 8, no 2, 1-18.

сами, и литература была как бы инструментом в руках политиков, чтобы заставлять людей вести себя так, как политики этого хотели. Попов, Ерофеев и многие другие писатели значительно расширили теперь параметры художественной литературы. Не тот ли это случай, когда Лимонову для того, чтобы сохранить свое место в центре сцены, придется выйти за пределы литературы вообще — не для выполнения своего гражданского долга, как сделал Распутин, Евтушенко, Айтматов и многие другие известные писатели, а в качестве ставки, чтобы затмить серьезных писателей, которые держат командующие высоты, и это не только Ерофеев и Попов, но и Венедикт Ерофеев, Алешковский, Сорокин, Каледин, Петрушевская, Нарбикова и многие другие. Ни в одной из работ этих писателей мы не видим порнографию, определение которой дал Стивен Маркус — как вещь, которая придумана, чтобы заставлять людей скорее делать, чем думать, не видим мы этого и в работах Лимонова. Но, возможно, это есть в его политике? Вот некоторые выдержки из его Манифеста российского национализма¹⁰:

Российская государственность принимала поочередно различные формы: великого княжества, царства, Российской империи и, наконец СССР, но она никогда не была колониальной империей. Доступ в элиту Российского государства был всегда доступен нерусским, и одно это обстоятельство противоречит принципу колониализма, каково есть государство одной нации. Рюрик, Екатерина, Бронштейн, Джугашвили управляли Российским государством.

или:

Внешняя политика: лицом к Азии. Запад многочисленными нашествиями, и в первую очередь самыми страшными — наполеонским и гитлеровским (с ними приходила вся Европа. С Гитлером — и восточноевропейские 'братья': венгры, словаки, болгары, хорваты, среди прочих), доказал, что он нам враг. Сегодня он успешно атаковал нас и побеждает самым современным оружием — 'демократией' и 'правами человека'...

10 Советская Россия. Июнь 12, 1992, 3.

или:

Будущее России — в союзе с исламом. И православие и ислам подвергаются агрессии Запада уже тысячелетие. Потому мы естественные союзники.

А, может быть, Лимонова надо понимать как лучший экземпляр постмодернизма? Ему недостаточно смешивать разные жанры и стили, он еще и смешивает литературу и жизнь. Следующий обмен мнений произошел между Евгением Поповым и его собеседником Владимиром Тучковым:

Недавно Пригов в интервью высказал мысль о том, что из послевоенных 'наших' в мировой культуре укоренились лишь Солженицын, Бродский и Лимонов. Вы хотите ему возразить? Я не сумею оспаривать умного Дмитрия Александровича. Но, мне кажется, здесь надо учесть вот что. Да, те имена — достойные имена. И они на слуху и у публики. Применительно к ним можно говорить если не о коммерческом, то о реальном, материальном, что ли, успехе. Но дело в том, что в Америке, и особенно в Европе, и даже в Китае существуют такие странные люди, которые называются славистами. И в их среде укорененность наших новых писателей достаточно сильна.¹¹

И вот позиция этого европейского слависта, этого, по словам Евгения Попова, 'странного человека': не Лимоновым единым, а только его беллетристикой.

¹¹ Вечерний клуб Москва. Апрель 7, 1992.